

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ

Еще несколько лет назад, признаюсь, мне самому казалось, что изменить к лучшему, продолжить жизнь любого театра сумеет только тот режиссер, который окажется безжалостным и... «несъедобным». Вероятно, так думалось под впечатлением известных примеров. Когда вторжение в жизнь знаменитых старых театров новых руководителей сопровождалось или даже предвещало массовыми увольнениями. Однако, если в результате таких крайних мер через какое-то время мы становились свидетелями годичного второго рождения театра, обидя постепенно забываясь, потому что победителей, как известно, не судят.

Но вот в последние годы появились другого характера примеры. Когда вступление в права руководителей театра вовсе не ознаменовывалось массовым обновлением труппы.

Не подумайте только, что я взялся за перо с единственной целью: предложить создать положение, при котором вопрос оставаться или уходить со сцены решается исключительно по желанию каждого. Я хочу рассказать сегодня о театре, который, как мне кажется, может стать в этом смысле известным примером.

Итак, Горьковский тюз имени Н. К. Крупской. Год рождения — 1928-й. У его колыбели стояли Н. И. Соболевич-Самарин и Е. А. Брилли.

Одна из основательниц театра, актриса Н. А. Зеленецкая, в день сорокалетия тюза вспоминала в юбилейном «Тюзовце» о его первых режиссерах. О приемнике Е. А. Брилли К. П. Хрящеве сказано было следующее: «Рано сгорел он, по делу его жизни — театр — растет и мукает». В конце тридцатых годов коллектив возглавил В. Л. Витальев. Почти три десятилетия руководил он тюзом. Срок огромный, небывалый в жизни периферийного театра.

Несколько лет назад сюда

пришел новый главный режиссер Б. Наравцевич. В нынешнем году ему исполнилось 50 лет. Вполне зрелый возраст. Может быть, поэтому он и приступил к делу спокойно и разумно. Я познакомился с театром в конце четвертого для Наравцевича сезона. Из 20 спектаклей действующего репертуара большинство, конечно, выпущены при нем. Но есть в афише и сейчас еще работы, созданные в прежние годы. Они, вероятно, скоро сойдут: ведь в Горьком нельзя играть спектакль, как в Москве, десятилетиями. Но обратите внимание: Наравцевич пасивственно не прекратил жизнь ни одной постановки, созданной до него. Не у всех на это хватает силы воли. Вместе с режиссером Р. Левите они ежегодно делают 6—7 новых спектаклей. Одни из них становятся событием, по несколько лет сохраняются в репертуаре. Другие с труппой выдерживают 10—15 представлений.

В труппе театра 38 человек. Только четверо имеют высшее специальное образование. Основной источник пополнения — местное театральное училище, среднее специальное учебное заведение. Из 38 артистов 17 — женщины. В возрасте от 20 до 30 лет — 18 человек, до сорока — 10, от сорока — 10. Конечно, есть перекос: и женщин многовато, и после 30 лет — большая часть труппы, что накладно, конечно, для детского театра. Отсюда и неравномерность нагрузки, и отсутствие возможности своевременно повысить ставку молодому актеру.

Меньше других заняты в репертуаре женщины среднего и старшего возраста, а зарплата у них выше, чем у молодых. Догрузить их невозможно: не может же актриса оставаться на ампула трагедии или юной героини-школьницы до бесконечности. А столько мам, бабушек и тетушек не нужно ни одному тюзу. Как быть? Попробовать объявить конкурс?

Но ведь это уже конфликт. Необходимо было выработать совершенно четкий, справедливый принцип, который позволил бы в корне переменить положение. И, по моему, его здесь нашли.

Те, кто еще не выходит на пенсию, могут спокойно работать. Тех же, кто уже имеет право на заслуженный отдых, постепенно переводят на пенсию. Но не в один день всех, а именно постепенно, с учетом различных обстоятельств, добываясь при этом максимума благ — от персональной пенсии, если для этого есть основания, до устройства быта. Театр дает возможность пенсионерам на условиях разовой оплаты догрывать свои роли. А главное — создает обстановку, при которой никто не может чувствовать себя лично ущемленным.

Казалось бы, вопрос этот сугубо организационный, какое отношение имеет он к творчеству? К путям, ведущим к единомыслию? Самое прямое! Нельзя воспитывать людей вне подлинно моральной атмосферы. Ведь единомыслие — не только в средствах художественного выражения идеи автора. Единомыслие прежде всего в понимании смысла жизни, добра и зла.

Конечно, путь, избранный Горьковским тюзом, удлиняет реорганизацию труппы. Но его преимущество — в его гуманности. Я знаю режиссеров, создавших великолепные театры на месте руин, которые достались им в наследство от предшественников. Огнем и мечом выкорчевывали они все, что казалось им лишним, не думая о средствах, приближавших их к цели. И что же? Цель достигнута, но удовлетворения не чувствуется: ведь вместе с режиссером двигались к финишу и актеры, они были молчаливыми свидетелями или соучастниками различных поступков руководителей, которые не думали в ту пору, что и они могут быть когда-нибудь судимы...

И здесь я должен сказать, что Наравцевичу повезло.

Год тому назад сюда была назначена директором Нина Ивановна Головлева. Директор театра обычно ищут «со стороны». Мне приходи-

лось видеть в этой роли инженеров и юристов, художников и врачей, бываю и просто казусы... Однако чаще других на эту должность назначают школьных учителей. Что касается детских театров, то это большей частью идет им на пользу.

Горьковский тюз не составил исключения. Головлева двадцать лет тому назад окончила здешний пединститут, много лет находилась на руководящей партийной и советской работе далеко от родных мест. И вот теперь вернулась сюда, получила такое неожиданное назначение и так вдруг увлеклась, что, мне кажется, теперь ее нельзя будет никуда перемазать.

За директором театра — последнее слово во всех делах в том числе и в сугубо творческих. Редкий директор не злоупотребляет этим положением. Отсюда добрая доловина недоразумений между ним и главным режиссером. У Головлевой и Наравцевича недоразумений почти нет, по и быть не может. Потому что оба они относятся друг к другу с взаимным уважением и доверием.

В течение десяти дней я наблюдал жизнь этого замечательного коллектива. Ходят в тюз с охотой, часто здесь аншлаги. Ведь можно ничего не уволить, регулярно выпускать новые спектакли и даже получать премии, но превратить театр в... учреждение. Вот уж что не грозит Горьковскому тюзу! Скорее он напоминает студию, где все ищут, проявляют инициативу, несмотря на возраст и звания. Где всем до всего есть дело. Где главный режиссер, строя и перестраивая без лишнего шума театр, думает о том, чтобы каждый новый спектакль не был похож на все предыдущие; чтобы интересно было по обе стороны рамы; чтобы самое неожиданное решение непременно было оправданно. (Это совсем не означает, что у Наравцевича не бывает провалов. Вероятно, бываю.

просто я их не видел. Но ведь история даже самых лучших театров не складывается из одних побед). Глаз твердо знают, о чем думают современные дети, чем они живут и чем отличаются нынешние пероклассники от нынешних пятиклассников: а когда вдруг обнаруживают, что чего-то не знают, что-то упустили, тут же стараются наверстать упущенное. (Замечательное свойство — всем бы так!)

Может быть, именно в силу такой атмосферы в середине нынешнего сезона театр остался без заведующего педагогической частью Никто никого не увольнял. Сама бывшая заведующая поняла, что без настоящего призвания она в таком коллективе работать не сумеет. И честно сказала об этом. При подборе кандидатуры нового педагога ко всем претендентам предъявляются такие требования, как если бы речь шла о главном руководителе театра. А может быть, так и нужно? В каждом сотрудничке искать единомышленника?

Во всех спектаклях Тюза много музыки, хорошей, не иллюстрирующей действие, а органически влитой в драматургию спектакли. И в этом немалая заслуга композитора М. Вислицкого. Спектакли оформляют разные художники. Но все они говорят на одном языке, приучая нас понимать язык сцены, приглашая к соучастию в творческом процессе. Это не означает, что труд их лишь индивидуальности. Напротив. Но и в оформлении, и в музыке, и в режиссуре, и в актерском исполнении — всюду заметно стремление к единомыслию, к утверждению общего понимания смысла жизни и смысла искусства.

Итак, пути к единомыслию, даже в старом театре, выясняется, могут быть достигнуты без «огня и железа». Для этого, повторяю, нужно приложить множество усилий. Ведь и дом легче строить запово, чем перестраивать старый. Может быть, опыт Горьковского тюза пригодится тем театрам и руководителям, которым нынешней осенью предстоит впервые встретиться?

Если хочешь заслужить уважение, сам отнесись с уважением к другому. Тем более если этот другой — коллектив.

Б. ПОУРОВСКИЙ,
ГОРЬКИЯ.

Сел. Культуры, 1974, 18 июня,